

Театр и искусство

Гастроли художественников

II. «Женитьба».

Послѣ Еврипида — Гоголь: Послѣ классической трагедии — чистѣйшая комедія. Большой и смѣлый прыжок талантливых, увѣренных в себя и в свои силы людей.

Кто знает, быть может, в наши дни страданий и горя нужно больше смѣлости, чтоб притти к русскому зрителю со смѣхом — здоровым, радостным смѣхом «Женитьбы», тѣм с трагической борьбой страстей «Мелен»? Да и смѣлки еще у старшаго поколения в памяти изумительные актеры Александринскаго театра конца прошлаго столѣтія и первых двух десятилѣтій нынѣшняго, актеры, которым были ближе, тѣм нам, и гоголевскій быт, и смѣх его комедій. На опасныя сопоставленія толкает не угасшая память, и нелегка задача, поставленная себѣ пражской группой московских художественников. Нелегка еще и потому, что тѣм дальше уходит время от эпохи комедійнаго дѣйствія, тѣм труднѣе заразить смѣхом зрительный зал образами далекаго прошлаго. Точно в давняшей темно-синей рамкѣ с золотым бордюром выступают сейчасъ все эти фигуры в коричневых фраках, в красных жилетах, в широких шалях и цѣпчонками разводами, с бисером штыками ридикюлями. «Ридикюлями», как говорит Агафья Тихоновна.

С одной задачей — зрительной, красочно-бытовой — пражскій театр справился безукоризненно: вкус режиссера (Н. О. Массалитинов) и талант художника (А. В. Андреев) сказались во всей полнотѣ. Г. Андреев был очень интересен и в декорациях еврипидовской трагедіи; утонченное провиновеніе в стиль первой половины XIX вѣка показало разнообразіе и многосторонность его художественнаго дара. Очаровательнымъ все эти детали костюма и обстановки: женскія шали, цѣпчонка покрывала сундуков, intégіeіng'ın кофты, «ридикюли» с голубем, несущим в клювъ письмо и т. д.

Режиссер сумѣл проназвать все дѣйствіе радостным, легким юмором, осветить его веселым смѣхом, сумѣл перебросить в зрительный зал смѣх чудесной комедіи. Достиженіе тѣм болѣе завидное, что в артистах, исключая Павлова (Подколѣсина), он не нашелъ единодушнаго подпоража. Хорош былъ внѣшній образ Агафьи Тихоновны (г-жа Краснопольская), но, кромѣ заключительной сцены с женихами (знаменитое «пошли во двор, дураки!»), не былъ дан, во всей гоголевской сочности, образ куцеческой невѣсты. Как не было этой бытовой и психологической насыщенности у «экзекютора Ячницки» (г. Бакшеев), у полу-карикатурнаго «пѣхотнаго офицера Анушкина» (г. Васильев). Прекрасной техникой подмѣнена непосредственность Кочкарева (г. Массалитинов, не использовавшій многих выигрышных моментов, но вызвавшій смѣх всего зала в сценѣ с «отставнымъ лейтенантомъ Чевачиным — одним из самых удачныхъ персонажей вчерашняго спектакля в прекрасномъ исполненіи г. Сѣрова).

Неудуно задумана сваха: этотъ яркій комедійный образъ предсталъ нѣсколько болѣе заостреннымъ, тѣмъ обычно, и во второмъ актѣ г-жѣ Греч удалось четкостью, темпераментностью и характерностью исполненія исправить крупныя недочеты перваго дѣйствія.

Было-б несправедливостью умолчать объ эпизодическихъ фигурахъ слуги Степана

(г. Тамиров) и горничной Дуниши (г-жа Лялова).

Но героемъ вечера былъ г. Павлов. Какой прекрасный, тонкій актер! Какая цѣльность образа, какая подлинная, заражающая яркость комедійной игры! С поднятія завѣсы в первомъ актѣ (Подколѣсина лежитъ на диванѣ) до знаменитаго прыжка в окно — в третьемъ, от него тянется к зрителю сверкающія нити безсмертнаго смѣха. Он покораилъ сценическимъ воплощеніемъ созданной Гоголемъ человѣческой души, которую артист почувствовалъ и возсоздалъ глубоко и художественно-значительно.

Но и независимо отъ превосходной игры г. Павлова, цѣнность спектакля, как и шестей наканунѣ трагедіи Еврипида, — в цѣлности и театральномъ единствѣ всей постановки, единствѣ, доступномъ лишь тѣсно сплотившейся группѣ. Интересен и основной подход, давшій намъ чистую, подлинную комедію, прозрачную и ясную.

Н. Волковыскій.